

Б. И. ГОРЕВ

Анархисты, максималисты и махаевцы

<Фрагменты>

От автора

Опасность анархии, опасность разложения, распада революции становится с каждым днем все более грозной. Общие причины — многовековое рабство, политическое и духовное, полное отсутствие культуры, политического воспитания и организационных навыков — еще усиливаются войной и глубокими социальными конфликтами, вызванными революцией. И анархистской возбудимости широких масс народа идет навстречу, распаду революции содействует анархо-максималистская проповедь ленинцев.

Необходима самая решительная борьба с этой анархистской опасностью — преддверием контрреволюции. Одним из орудий такой борьбы является знакомство с деятельностью и взглядами наших анархистов разных видов во время первой революции. Мы уверены, что эта деятельность напомнит многим жгучую современность, а ее результаты многих испугают. В этой уверенности мы решаемся предложить читателю нашу брошюру, являющуюся результатом кропотливого изучения первоисточников. <...>

Анархисты

Между старым анархизмом русских семидесятников и современным европейским анархизмом очень мало общего. Анархизм революционеров-народников, как отчасти и своеобразный анархизм Толстого, являлся теоретическим выражением того протеста, который, по их мнению, должна была бы питать русская *деревня* против закрепостившего ее государства и разрушающая ее основы капитализма; новейший же анархизм,

напротив, является целиком продуктом современного города, с его поражающими противоречиями ослепительной роскоши и мрачной нищеты, с его хронической безработицей, отсутствием уверенности в завтрашнем дне, постоянной нервной тревогой. И тем не менее, не говоря уже о том, что теоретик русских бунтарей — Бакунин — считается практическим родоначальником европейского анархизма, — между этими двумя течениями до недавнего времени сохранялась и живая личная связь, в лице старого анархиста-народника Кропоткина. И этот же Кропоткин может с полным правом считаться вдохновителем русского анархизма девятисотых годов.

В самом начале десятилетия анархизм еще совершенно неизвестен в России и мало проявляет себя в русской политической эмиграции, более или менее широко захватывая лишь еврейских рабочих из России в таких городах, как Лондон или Нью-Йорк. В это время образуется за границей русская издательская труппа, выпускающая несколько анарх. брошюр, переводных и оригинальных (в том числе Кропоткина и Черкезова). А летом 1903 г., при постоянном сотрудничестве Кропоткина, группа его учеников начинает издавать в Женеве ежемесячный журнал «Хлеб и воля», положивший официальное начало русскому анархизму. <...>

Но еще до появления 1-го № «Хлеба и воли», весной 1903 г., возникает в России, в Белостоке, первая анархистская группа, организованная приехавшим из Лондона анархистом; а одновременно с этим первым номером, в конце лета того же года, независимо от Белостока, но в непосредственной связи с группой «Хлеба и воли» — появляются анархисты и в Нежине. <...>

Вместе с тем пропаганда анархизма выходит за пределы Белостока, и анарх. группы возникают в целом ряде промышленных местечек Гродн. губ., окружающих Белосток. Наконец, из Белостока же исходит первая попытка завязать сношения с другими анарх. группами в России, именно с Одесской группой «непримиримых», возникшей в начале 1904 г. из существовавшей там «махаевской» группы. Кроме Одессы, в том же 1904 г. появляется анарх. группа и в Житомире, организованная двумя рабочими анархистами, приехавшими из Австрии. Эта группа в конце года участвует в стачке заготовщиков. Тогда же происходит в Одессе первый крупный арест анархистов с вооруженным сопротивлением.

До самого конца 1904 г. это были единственные анарх. группы в России (если не считать группы в Екатеринбурге, просуществовавшей очень недолго и перешедшей к с.-р.). Январские события 1905 г. и особенно экономические стачки в феврале и марте и сопровождавшая их массовая безработица дали сильный толчок распространению анархизма.

Весной 1905 г. уже существуют анарх. группы в Риге, Петербурге, Москве (гр. «анархистов-общинников»), Киеве («южнорусская гр. комм.-анархистов»), Екатеринославе. В Петербурге распространяются анарх. прокламации при помощи особых «ракет». В Москве и Риге выходят первомайские листки. Прокламации к крестьянам разбрасываются из окон поездов. Летом анархисты принимают энергичное участие во всеобщих стачках Одессы, Екатеринослава и особенно Белостока, где они вместе с тем ведут ожесточенную борьбу с социалист. организациями, главным образом, с Бундом¹, в то же время устраивая ряд покушений против полиции и войска. Наконец, тогда же организуются первые анарх. группы в Польше (в Варшаве и Ломжинской губ.) и на Кавказе, в Грузии. К осени анархисты появляются в Гродно, Ковно, Вильне, Бердичеве, целом ряде мест Черниговской губ. и на Урале.

Наряду с этим распространением анархизма начинается и его дифференциация. Прекращается безраздельное идейное господство группы «Хлеба и воли», или «Хлебовольцев». Возникает группа «Безначалие», издающая в течение весны и лета 1905 г. за границей три номера «Листка группы “Безначалие”» и ряд прокламаций в России и проповедующая самый неистовый боевизм, поджоги, разрушение и захват буржуазной собственности, физическое истребление всех «классовых врагов» пролетариата, а также борьбу не на живот, а на смерть с «демократическими» (т. е. социалистическими) партиями. В качестве реакции против крайностей этой группы появляется в октябре первый и единственный номер журнала «Новый мир». В ноябре прекращается издание «Хлеба и воли» (на 24-м №), а в декабре выходит «Черное знамя» (единственный номер), положившее начало «чернознаменскому» направлению в русском анархизме. Все эти издания распространяются в России. <...>

В течение этого же периода (еще до октябрьских дней) учащаются случаи анархистского террора. В Варшаве, во время стачки пекарей анархисты применяют саботаж. Бомбы бросаются в Белостоке, Одессе и Екатеринославе. В Нежине, в сентябре, имеет

место громкое вооруженное сопротивление при аресте. В Одессе в июне происходит первый судебный процесс анархистов. <...>

Весна и лето 1906 г. — время, когда анархизм в России достиг наибольшей степени развития. К упомянутым выше городам, где имелись анарх. группы, прибавился целый ряд новых. В Крыму, во всех важнейших городах Кавказа, на Урале, в Прибалт., Западном и Юго-Западном Крае, на Украине (особенно среди крестьян), наконец, в ряде городов средней России, как Рязань, Тула, Нижний Новгород с Сормовым, Пенза, Казань, — корреспонденты анарх. журналов отмечают существование групп, акты политич. и экономич. террора и экспроприации, реже — выступления на митингах и участие в забастовках. <...>

В течение этого же периода до значительных размеров возросла и анархич. литература. В Женеве в июле 1906 г. появляется 1-й номер нового анарх. журнала «Буревестник», который скоро становится главным идейным центром русского анархизма, впоследствии, впрочем, исключительно синдикалистского направления (выходившие в течение 1906–1907 гг. в Лондоне Кропоткинские «Листки Хлеб и Воля» расходились по большей части за границей и в России имели мало влияния). <...>

Наконец, в этот же период появляется и *легальная* анарх. литература. <...>...Весной 1906 г., главным образом, в *Москве*, был издан в легальных типографиях так называемым «явочным» порядком, целый ряд книг и брошюр, оригинальных и переводных, излагающих анархистские взгляды или трактующих об анархизме. Эти книги получили довольно широкое распространение и служили долгое время средством пропаганды для анархистов. А в *Тифлисе* той же весной 1906 г. стали выходить и *легальные анарх. газеты* на грузинском языке <...>.

Главными центрами анархизма, где он пользовался известным успехом, в 1906 г. были: Екатеринослав и его промышленный округ, Одесса, Кавказ, Урал, Москва и Польша. Белосток потерял уже прежнее значение <...>. С конца 1906 г., наряду с провокацией и массовыми провалами, анархисты начинают терпеть подобный же моральный крах и в других местах. В 1907 г. из упомянутых выше центров остаются лишь Екатеринослав, Одесса, Урал и Варшава. Из других мест получают лишь известия об одиночных террористических актах и экспроприациях. <...>

В 1908 г. единственным городом, где существовала постоянная анархистская группа, ведшая пропаганду и агитацию

среди рабочих (и отчасти крестьян), оставался Екатеринослав (с окрестными поселками) <...>.

О существовании анархистских групп среди крестьян, кроме сообщений корреспондентов анарх. газет, свидетельствуют и некоторые судебные процессы, особенно процесс анарх. Херсонской губ. (Присяжнюк и др.). Но подобные группы, по-видимому, мало отличалась от обыкновенных разбойничьих крестьянских дружин, вроде «лесных братьев» Сердобского уезда Саратовской губ., шайки Савицкого, Лбова и других.

Наконец, кроме местных, городских и крестьянских групп, следует еще упомянуть о существовании чисто-боевых групп, не связанных с каким-либо городом или местностью. Самой известной из таких групп была оперировавшая на юге в 1907 г. «Боевая Интернациональная группа анарх.-коммунистов», та самая, грандиозный провал которой в начале 1908 г. приписывался киевским охранным отделением *Богрову*. <...>

Уже из существования подобной группы видно, что между анархистами разных городов имелась довольно тесная связь. Но на это имеются и прямые указания. Еще в 1904 г. представитель белостокской группы отправился в Одессу, чтобы завязать сношения с тамошней группой и получить у нее литературу и денег, что ему и удалось, правда, случайно. Но с конца 1905 г. анархисты, особенно боевики, часто меняют города и, несмотря на отсутствие и на принципиальное отрицание централизованной организации, везде находят нужные связи с местными группами. <...>

Наконец, у анархистов были и съезды.

Еще в январе 1906 г. собрался в Кишиневе «многолюдный» съезд террористов- «безмотивников». <...> Наряду с актами «безмотивного» террора, на этом съезде было решено предпринять и целый ряд актов против организующейся буржуазии (как, напр., против съезда горнопромышленников). На съезде были уже и роли распределены между его участниками и образована террористическая группа, которая могла собрать вокруг себя 60 боевиков. <...> Но ни одно предприятие, задуманное на съезде, не осуществилось, и почти все его участники были впоследствии казнены, убиты или покончили с собой во время вооруженных сопротивлений при аресте. Этот съезд и образованная им террористическая группа отняли много сил от местной работы, на что неоднократно жалуются хроникеры анарх. движения разных городов.

Из других анархистских съездов в России известны лишь два областных: «конференция уральских групп а.-к.», происходившая в конце апреля 1907 г., и «конференция а.-к. Польши и Литвы» в июне того же года. <...>

К анархистским съездам следует отнести и происходившую осенью 1906 г. в Лондоне, при участии Кропоткина, конференцию группы, решившей издавать орган «Листки Хлеб и воля». <...>

Из принятых резолюций следует отметить резолюцию, рекомендующую анархистам принимать деятельное участие в рабочих союзах, революционируя их и ведя в них борьбу против полит. партий. Затем конференция выразила неодобрение экспроприациям, как простому переходу собственности из одних рук в другие, хотя особой резолюции и не приняла, не желая порицать тех, кого преследовали военно-полевые суды.

Наконец, русские анархисты приняли участие в *международном конгрессе анархистов в Амстердаме* в конце августа 1907 г. В официальном отчете русской делегации, напечатанном в № 6–7 «Буревестника», указаны, в качестве городов и областей, группы которых «так или иначе отозвались и выразили свою солидарность конгрессистам», — *Петербург, Белосток, Екатеринослав, Грузия*. Представлены были на конгрессе и заграничные литературные группы, как, напр., группа «Буревестника». <...> Русские делегаты поддержали резолюцию большинства конгресса о необходимости участвовать в рабочих синдикатах.

<...> Если белостокские анархисты после «дней свободы» принадлежали «чернознаменскому» направлению, а екатеринославская группа в вышеупомянутом заявлении Амстердамскому конгрессу называет себя внефракционной, то в *Одессе* с конца 1905 г. резко обозначились два течения: чернознаменцы и анарх.-синдикалисты. Первые отрицательно относились к каким бы то ни было рабочими организациям, верили исключительно «в чудодейственную силу террора», по выражению одного анархистского писателя, устроили знаменитый взрыв в кофейне Либмана, который должен был означать начало «безмотивного» или «антибуржуазного» террора, а впоследствии занимались почти исключительно мелкими экспроприациями, «налетами» и «мандатами», т. е. рассылкой угрожающих писем с требованием денег. Эти «налеты», весьма часто провокаторского происхож-

дения, выродились в обыкновенный бандитизм, и очень трудно бывало различить, где кончается идейный анархист и начинается обыкновенный хулиган, сутенер или провокатор.

Другое течение — синдикалисты, во главе которых летом 1905 г. стоял Гершкович, а в 1906 г. талантливый анархист Новомирский, издавший за границей в окт. 1905 г. газету «Новый мир», а в Одессе в 1906 г. один № газеты «Вольный Рабочий», — резко отличались от чернознаменцев. Они выступали за беспартийные рабочие организации и признавали борьбу за частичные улучшения, но, конечно, при помощи, экон. террора. <...> Приняв участие в стачке, они стали применять в грандиозных размерах саботаж, т. е. взрывы пароходов, а также эконом. террор. Их влияние было так велико, что с.-р-ы должны были согласиться на взрыв одного из пароходов, под тем предлогом, что этот акт «может сойти за акт политич. террора» («Бурев.», № 10–11, стр. 19–22). Но эта же забастовка наглядно показала рабочим всю безрезультатность экономич. террора. Забастовка окончилась поражением и влияние анарх.-синдикалистов сразу исчезло. Анарх.-синдикалисты совершили также несколько крупных и громких экспроприаций. <...>... Три главных центра русского анархизма, Белосток, Екатеринослав и Одесса, создали и три наиболее распространенных типа русских анархистов: еврейского ремесленника, по большей части почти мальчика, нередко искреннего идеалиста и смелого террориста; заводского рабочего-боевика, непосредственную натуру, который, как екатеринославец Федосей Зубарь, «ни одной книги не прочел, но в душе — анархист», ненавидевший всякую власть «до боевого стачечного комитета включительно» («Бурев.», № 9, стр. 21), и, наконец, одесского «налечника» — прожигателя жизни. <...> Если мы к этим трем типам прибавим еще интеллигента, обыкновенно бывшего с.-д. или с.-р., оратора и демагога, а также крестьянина, как Михаил Рыбак, поджигающего помещичьи усадьбы или вступающего в шайку «лесных братьев», то галерея анархистских типов будет почта исчерпана.

Соединение разновидностей одесского и белостокского анархизма мы находим в Варшаве. <...>

От боевого и экспроприаторского анархизма южной России и Польши сильно отличался центр «северного» анархизма — Москва, в которой с 1905 до 1907 г. сменили друг друга несколько групп («Свобода», «Свободная коммуна», «Безвластие» и др.).

Мы уже видели, что Москва была центром литературно-издательской деятельности анархистов, выпустивших в легальных типографиях довольно много книг и брошюр. Среди рабочих московские анархисты, имевшие много общего с синдикалистами, вели устную пропаганду, выступали на митингах, а также участвовали в «союзе безработных». Но попытки вооружать безработных и раздача им помощи из экспроприированных денег встретили резкий отпор со стороны рабочих соц.-демократов. Попытки экспроприаций и террористических актов были немногочисленны и почти всегда неудачны. Все сменявшие друг друга группы были уничтожены полицией еще до 1908 г.

Наконец, на Кавказе, в частности в Грузии и Баку, мы встречаем все виды анархизма: и мирно-пропагандистский, до легальных газет включительно, и экспроприаторско-боевой, переходящий в мелкое разбойничество и вымогательство. В грузинском анархизме знаток его Оргеиани («Альманах») различает две полосы: в «Дни свободы» широко развилась идейная пропаганда анархизма, особенно в Тифлисе и Кутаисе, где в то время *хозяевами положения* были соц.-демократы. При наступлении реакции, анархизм выродился в беспринципное экспроприаторство. Новый подъем анархизма наступил весной и летом 1906 г. — это период легальных газет. Но он продолжался недолго, и со второй половины этого года почти совершенно исчез, уступив место грузинскому национализму. — В Баку же, где анархизм, при своем появлении в 1906 г., имел шумный успех, он очень скоро выродился в «анархизм» одесского типа, осложненный кавказскими условиями: к «эксам» и «мандатам» присоединилось похищение детей, для получения выкупа, — и все это при несомненном участии полиции и провокации.

Какой общий вывод можно сделать относительно распространенности анархизма в России, в период его расцвета? <...> Более вдумчивые анархисты сами должны были признать уже летом 1906 г., т. е. после эпохи наивысшего подъема анархистской агитации, что «после двухлетней, упорной и крайне тяжелой работы в подсчете оказался следующий, весьма плачевный результат: в России имеется довольно много анархистов, но нет анархистического движения» («Бурев.», № 2). И тем не менее, несмотря на эти оговорки, нужно признать, на основании всего имеющегося материала, что анархизм в 1906–1907 гг. был гораздо более распространен у нас, чем это обыкновенно думают, и составлял

серьезную опасность для рабочего движения. Одним из внешних, объективных показателей количества анархистов может служить их тюремная статистика. Так, в Екатеринославе, весной 1908 г. находилось в тюрьме больше ста «групповиков», т. е. членов местной анарх. группы, и много «сочувствующих». В Одессе за 1906 и 7 годы было осуждено военными судами 167 анархистов, из них 28 было казнено. В том числе 99 человек были чернознаменцы, а 12 — синдикалисты, причем около 80 приговоров было вынесено за экспроприации и вымогательство («Бурев.», № 10–11). В конце 1907 г. большой процент составляли анархисты и в целом ряде других тюрем (напр., в Киеве — 83 чел.*). Между тем соц.-дем. пресса, хотя и вела с ними борьбу (напр., в районе Бунда, а также в Москве Екатеринославе, на Кавказе), но недостаточно оценивала размеры их влияния и, может быть, по тактическим соображениям, даже сознательно замалчивала его. <...>

Чтобы понять эти явления, надо вспомнить прежде всего, что предреволюционные и революционные годы застали рабочие массы в России на крайне низкой ступени развития, и что разрушительные формы борьбы, свойственные элементарным, примитивным формам рабочего движения (физическое насилие над хозяевами, разгром фабрик и т. д.), были и раньше довольно распространены у нас, что и дало повод анархисту Рогдаеву на амстердамском конгрессе указывать на Россию, как на страну, особенно благоприятную для развития анархизма. <...> Это же отсутствие сознательности и организационных навыков объясняет ту легкость, с какою рабочие признавали экономический террор, в качестве наиболее верного средства борьбы, особенно, когда запуганные капиталисты (что бывало чаще всего с *мелкими* хозяйчиками) на время уступали, так и, наоборот, то быстрое разочарование и уныние, какое овладевало теми же рабочими, если капиталисты не поддавались на угрозы и террор или же отвечали локаутами. Эту смену веры в спасительность экономического террора, проповедуемого анархистами, резким разочарованием и даже злобой против тех же анархистов, — при первых неудачах, — можно наблюдать во всех центрах русского анархизма. <...>

Привлекая малосознательных или доведенных до отчаяния рабочих мнимыми успехами экономического террора, а подчас

---

* Хотя, конечно, на каторге и в ссылке процент анархистов был *весьма незначителен* в сравнении с с.-д. и с.-р.

и смелыми нападениями на полицию, анархисты в своей пропаганде среди членов социал. партии нередко успешно пользовались действительными слабостями этих последних (равно как и их взаимной борьбой). Прежде всего, интеллигентский состав «комитетов» и централизм соц. организаций не раз и до появления анархистов вызывали создание разных «оппозиций», «рабочих воль» и т. д. И хотя в состав этих оппозиционных организаций далеко не всегда входили лучшие элементы социалист. рабочих, но, несомненно, главной причиной их появления было отсутствие *гибкости* социал. организации, неумение претворять в себе оппозиционные элементы. Этим и воспользовалась анархисты. В огромном большинстве мест к анархистам переходили именно эти «оппозиционные» группы с.-д. и с.-р. Озлобление против «комитетчиков», против «генеральства» чаще всего выставляется в анархистских корреспонденциях в качестве причины перехода к ним части «партийных» рабочих.

К этому присоединилось еще то обстоятельство, что русские с.-д., а особенно с.-р-ы в своей политической агитации слишком розовыми красками описывали европейские «свободы». Конечно, в с.-д. пропагандистских брошюрах излагалось истинное положение рабочего класса в Западной Европе, но в повседневной агитации часто не соблюдалась надлежащая перспектива. <...>

Несмотря, однако, на шумный успех русского анархизма в годы, непосредственно следовавшие за революцией, он с самого начала носил в себе неизбежные элементы своего будущего вырождения и разложения*. Мы уже видели, что непрерывный экономически террор приводил в конце концов к закрытию фабрик, локаутам и к озлоблению рабочих против анархистов. Массовый политический, главным образом, антиполицейский террор вызвал такие репрессии, обрушившиеся на всех рядовых обывателей, что и анархистам стало невозможно проявлять свою деятельность. При этом так называемая «децентрализация» террора не спасла анархистов от таких грандиозных провалов, как одновременный арест в разных городах 75 человек по делу «Боевой Интерн. Гр. А.-К.». Само собой разумеется, что решающую роль в этих провалах сыграла провокация, которая всегда является неизбежным спутником боевых и террористических

---

* И это независимо от общих условий контрреволюционной эпохи, от которых так тяжело пострадали все демократические и социалистические партии.

организаций, и которая уже в 1906 г., а особенно с 1907 г., свила себе прочное гнездо почти во всех анархистских группах.

Но больше всего «содействовали быстрому разложению русского анархизма экспроприации и вымогательства. <...> Как ни отгораживали себя от обыкновенных грабителей и вымогателей разные анархистские группы — в прессе, прокламациях и на судах, как ни боролись они с «индивидуальным экспроприаторством», т. е. с присвоением захваченных денег в пользу самих «эксистов», доходя до угроз смертью и убийством включительно, — все было напрасно: по собственному признанию многих анархистов, их все труднее становилось отличать от простых бандитов и хулиганов*. Кроме того, как это выяснилось из позднейших судебных процессов, провокаторы принимали участие в анархистских «актах» и «делах» не только для того, чтобы выдать их полиции, но и для того, чтобы самим воспользоваться захваченным добром и «прожигать жизнь» вместе со своими «товарищами», как это было, напр., в петербургской студенческой группе «анархистов», основанной провокатором, процесс которой обнаружил столько скандальных подробностей. Так было и в Одессе, и на Кавказе, и в целом ряде других мест. Наконец, «денежный разврат» проникал и в среду настоящих анархистов. Бесконтрольное распоряжение крупными суммами все более соблазняло неустойчивые натуры. <...>

Таким образом, несмотря на множество отдельных самоотверженных и смелых актов, несмотря на ряд фигур с чрезвычайно тонкой и чуткой нравственной организацией, русский анархизм разложился и сгнил *морально* раньше, чем он был истреблен правительством. Но и процессом своего разложения он повредил русскому рабочему движению не меньше, чем своими успехами. <...>

Теоретические основы русского анархизма в общем представляли мало оригинального и очень немногим отличались от анархизма общеевропейского. Это и неудивительно, так как

---

* Вот одно из многочисленных признаний такого рода, любопытное в своей наивности: «Рабочий синдикат тифлисских анарх.-коммунистов доводит до сведения товарищей и общества, что отныне он отказывается от экспроприации капиталов путем бланков и писем. Опыт показал, что такая тактика, не достигая цели, плодит лишь шантажистов». («Листки X. и в.», № 3, от 28 ноября 1906 г., стр. 6).

главное течение европейского анархизма, так называемое «бакунинско-крапоткинское», и было то, на котором воспитались первые «поколения» русских анархистов девятисотых годов: его они и распространяли в России как через посредство собственных сочинений Бакунина и Кропоткина, так и в статьях ряда молодых анархистов, как Ветров, НВетров, Новомирский, Гроссман, Рогдаев, Раевский, Дубинский, Оргеиани и др.

Здесь мы встречаем ту же «критику» социализма (состоящую, главным образом, в том, что вместо подлинного социализма читателю рисуют продукт собственного воображения, с которым, конечно, победоносно расправляются), то же возвеличивание «люмпен- пролетариата», босяков, ту же проповедь немедленной социальной революции, то же отношение к политической борьбе, к парламентаризму, демократии и т. д. При этом так же, как у их европейских собратьев, во всех теоретических и программных построениях русских анархистов уже царит полная анархия: каждый из них изображает как взгляды социалистов (которых они называют «авторитарными» или «государственными» социалистами), так и анархистские идеалы, — согласно собственной фантазии. В одном, правда, все они сходятся: это в том, что социалисты являются ярыми поклонниками государственной власти, желают современное государство сохранить на вечные времена и в социалистическом строе предполагают оставить экономическое неравенство. Главное отличие «анархического коммунизма» от «авторитарного» социализма или «коллективизма» (т. е. современного научного социализма) все без исключения русские анархисты видят в том, что анархизм отрицает всякую государственную власть и на место якобы социалистического принципа распределения: «всякому по труду» — ставит «коммунистический»: «от всякого по способностям, всякому по потребностям».

<...>...Посвящая чрезвычайно много энергии и усилий весьма мало добросовестной критике научного социализма и социалистического идеала, теоретики и публицисты русского анархизма крайне скупы на точные и подробные определения того, что они считают анархическим идеалом общежития. Мы слышим от них очень часто про то, чего они не хотят, но очень мало осведомлены на счет того, чего они хотят. И как раз те вопросы, которые особенно много места занимали в спорах более развитых анархистов друг с другом и с соц.-демократами, — вопросы о формах

будущего общества и его отношении к личности, об организации производства, словом, о том, что такое *анархическая коммуна*, — совершенно почти не разработаны в литературе наших анархистов. Очевидно, теоретики их, вкусившие от марксистского древа познания добра и зла, понимали всю рискованность для самой идеи анархизма детального рассмотрения этих вопросов. И там, где они решались все же подходить к ним, получались или общие места, в роде заявления, что буржуазное государство превратится «не в социальную республику, а в рабочее общество, в свободный союз свободных рабочих ассоциаций» («Новый мир», I, стр. 5), — или же... знакомая нам «анархия». <...>

Правда, есть одно анархическое произведение, где дается подробный анализ понятия анархической коммуны, с экономической, политической и правовой точек зрения; но этот анализ *убийствен* для анархизма. Мы имеем в виду появившуюся в 1907 г. книжку «*Что такое анархизм?*» Новомирского, основателя и деятельного участника Южно-русской группы анархистов-синдикалистов». Издав в 1905 г. № газеты «Новый мир», а в 1906 г. в Одессе «Вольный Рабочий» (синдикалистского направления), он пришел, в конце концов, к довольно туманному анархическому индивидуализму. Но эта новая точка зрения дала ему возможность взглянуть на анархический коммунизм с таких сторон, которые резко раскрывают все его слабые места, обнаруживают всю его внутреннюю несостоятельность. Вообще говоря, индивидуалистический анархизм, которым у нас одно время сильно увлекались разочаровавшиеся в революции интеллигенты, имеет то преимущество, что он, подобно солипсизму в идеалистической философии, наиболее неуязвим и недоступен логической критике; но зато же он абсолютно неприложим в действительной жизни и потому совершенно безобиден и никакого влияния на рабочих не имел*. Другое дело интересная и талантливо написанная книжка Новомирского: она поучительна для нас тем, что составлена анархистом-теоретиком, и дает жестокую критику именно тех сторон анархического коммунизма, которые, по мнению наших анархистов, столь выгодно отличают их от «авторитарных» со-

---

* Анархист Забржежев на амстердамском конгрессе посвятил главным представителям индивид. анархизма в России, особенно Боровому, отдельный доклад, где доказывает, что это учение не является ни последовательным индивидуализмом, ни последовательным анархизмом; но критика его в значительной мере бьет мимо цели.

циалистов: таковы — абсолютная свобода личности, идея свободы договора, отсутствие судов и наказаний и т. д.

<...> Весьма решительны и выводы, к которым он приходит: «Хотя коммунизм есть относительная необходимость, анархический коммунизм есть абсолютная невозможность, внутреннее противоречие, экономическая нелепость» (стр. 48; курсив автора). Если вы признаете «социальное производство, организованное планомерно, согласно данным современной науки — тогда имейте мужество отказаться от анархизма» (47). И в заключение: «Анархизм, как мы его понимаем, не есть разновидность социализма, а беспощадный враг его. Наоборот, анархический коммунизм есть чисто-социалистическое учение», и сбивчивый и противоречивый термин «анархический коммунизм» гораздо лучше было бы заменить словами: «безгосударственный социализм» (стр. 61).

Но если мы примем во внимание, что «государственность» в социалистическом идеале есть изобретенный анархистами жупел; если, с другой стороны, мы и вспомним, что наши анархисты отрицают не только государственную власть, но и какое бы то ни было приспособление «меньшинства» к «большинству», т. е., в сущности, всякие нормы общежития (что они и проявляли на практике, не признавая «власти» председателей собраний или тюремных «старост», или нарушая из принципа устанавливаемые их товарищами по заключению «камерные конституции» и т. д.), — то мы придем к заключению, что *теоретически* русский анархизм в общем и целом представляет не «безгосударственный социализм», а беспринципное смешение специфического «революционизма» европейских синдикалистов и анархистов с совершенно индивидуалистическим бунтарством. И поэтому наиболее серьезные и вдумчивые из русских анархистов, как Раевский, Оргеиани и некоторые другие, предпочитают вовсе не касаться «теории» анархизма в собственном смысле и все решительнее склоняются к обыкновенному революционному синдикализму.

Зато в области *тактики* русский анархизм проявил гораздо больше «самобытности». Правда, появившись в дореволюционную и революционную эпоху и особенно развившись в эпоху распада революции, он в значительной мере делал то же, что и другие «боевые партии»: количество актов *политического*

террора, в частности борьба с полицией, жандармами, охранными отделениями и так называемое у анархистов «шпикобойство», в огромной степени превышало у них количество террористических актов экономического характера и нередко мало отличало их, напр., от с.-р-ов и, особенно, максималистов. Но та же революционная эпоха, «работа» в крайне напряженной и взбудораженной грандиозными событиями среде необычайно увеличила и «размах» собственно анархистской деятельности. Она же сообщила нашим анархистам такую смелость фантазии, о которой и мечтать не решаются их европейские собратья. И потому европейско-американский анархизм не нравился русским анархистам, казался им чуть не крохоборством, трусливо-мирной пропагандой и т. д. <...> перманентный боевизм — это характерная черта в тактике всех русских анархистов, без различия течений; а их практика, как мы уже видели, не расходилась с их теорией в этом отношении. Экономический террор, доведенный до последних пределов (анархисты с удовлетворением передают, напр., случай, когда из мести к фабриканту они убили *трех его сыновей!*), саботаж, захват или попросту кража хозяйских материалов или продуктов, захват — во время бегства хозяина — всего его заведения и, наконец, бесчисленные «экспроприации» — от самых крупных до ограбления мелких торговых — все это, вместе с непрерывной войной с полицией, составляло значительную часть «работы» анархистской группы и, конечно, должно было представляться недостижимым идеалом для самых пылких европейских анархистов.

<...> Если в области общей теории и программных вопросов — русских анархистов нельзя почти делить на какие-либо определенные группы, то по вопросам *тактики*, после первого, подготовительного, или «хлебовольческого» периода, уже начиная с середины 1905 г., русские анархисты делятся на три все более дифференцирующиеся группы: в 1906 г. они окончательно определяются, как «безначальцы», «чернознаменцы» и «синдикалисты» разных толков, причем среди последних с 1907 г. преобладают «буревестниковцы» (выражение Новомирского). И издания всех трех направлений <...> дают нам много материала, особенно в своей полемике, для характеристики анархистской тактики. <...>

Из среды чернознаменцев вышли и две наиболее «оригинальные» группы русских анархистов: «безмотивники» и «коммунары». Обе они возникли в конце 1905 г., когда массы были

захвачены политической борьбой, и анархисты захотели «сделать нечто такое, чтобы заставило “на миг” оглянуться рабочие массы, задуматься и увидеть, что буржуазия раскидывает перед ними новые, адски-хитро сплетенные сети — сети буржуазной революции» («Бунтарь», стр. 21). И вот, они решили сказать «анархическое слово» и «сказать его так, чтобы услышала его многомиллионная народная масса, чтобы затрепетала и содрогнулась в ужасе буржуазия» (там же). Результатом и явилось образование двух названных групп. «Безмотивники» видели свою задачу в том, чтобы устраивать ряд террористических актов против представителей буржуазии «не только за ту или иную частичную, конкретную вину» перед пролетариатом, а просто потому, что они «буржуа». Пусть не будет среди них «невиновных». Да не знают они покоя» (там же). Как (известно, «безмотивники» бросили бомбу в ресторан «Бристоль» в Варшаве и пять бомб в кафе Либмана в Одессе. Конечно, эти «акты» лишь оттолкнули от них многих приверженцев, и собравшемуся в январе съезду «безмотивников» ничего сделать не удалось. Но «идея» эта долго жила среди анархистов, служила предметом оживленных споров и литературной полемики и несомненно вдохновила не один акт «экономического» террора.

«Коммунары» исходили из тех же посылок, что и «безмотивники», но они желали индивидуальному террору противопоставить «массовый анархический акт — попытку восстания во имя безгосударственной коммуны» (там же). Само собою понятно, что это им не удалось, так как «устроить восстание» труднее, чем бросить бомбу. <...> При всей, однако, кажущейся «оригинальности» этих групп надо вспомнить (что и делает Рогдаев в своем докладе), что акты «безмотивного» террора (как бомба в кафе в Париже или убийство австрийской императрицы) бывали и в Западной Европе, но были оставлены анархистами, как явно нелепые и вредные для них самих. Кроме того, чем отличается «безмотивный» террор чернознаменцев от проповеди «безначальцев» — истреблять всех вообще буржуа? Последняя только смелее и решительнее... Что же касается идей «коммунаров», то «безначальцы» еще летом 1905 г. предлагали немедленный захват городов и учреждение анархических коммун.

Итак, на наиболее ярких проявлениях «творческой» работы «чернознаменцев», как и на всем их мирозерцании, видно явное влияние «безначальцев».

От «безначальцев» и «чернознаменцев» резко отличались анархисты-синдикалисты всех оттенков («хлебовольцы», группа Новомирского и сторонники «Буревестника»). Все они безусловно осуждали «безмотивный» террор и *мелкие* экспроприации, как тактику, которая не только «нисколько не содействует прояснению сознания» масс, но, наоборот, отталкивает их от анархистов, а в среду последних вносит развращающее влияние. Они понимали значение планомерной пропаганды и организации и рекомендовали анархистам вступать в беспартийные профессиональные союзы, не пугаясь даже их «легальности». Но потому они и были сравнительно мало влиятельны и немногочисленны и проявили себя, главным образом, в Одессе, отчасти на Урале и в Москве, где они почти сливались в своей деятельности с зародышами чисто-синдикалистских групп.

<...>...Отличие анархистов-синдикалистов от чернознаменцев было так велико, что совместная работа их стала невозможна, и редакция «Бурев.» в особом обращении «к товарищам» (№ 13) должна была это заявить. «Попытки совместной работы в России, — говорится там, — анархистов этих двух направлений только яснее обнаружили пропасть, принципиальную и практическую, существующую между этими двумя тактиками. Опыт пятилетней работы обнаружил беспочвенность индивидуального, оторванного от массового движения бунтарства, и еще более укрепил в представителях рабочего коммунистического анархизма убеждение, что лишь *массовой* организации, *массовой* пропаганде и агитации, активной борьбе *совместно с пролетариатом* стоит отдавать немногочисленные уцелевшие драгоценные силы наших групп» (писано в октябре 1908 г.; курсив везде принадлежит авторам. — Б. Г.). <...>

С распадом анархистских групп в России, борьба эта переносится за границу, где принимает самые отвратительные формы. <...>

Максималисты

Хотя максималисты, как отдельные организации, возникли у нас лишь в 1906 г. и просуществовали всего около года, но *максимализм*, как идейное течение, как отрицание программы-минимум и вера в возможность в близком будущем социалистической

или полу-социалистической революции в России, был присущ всем почти направлениям народнического социализма, а в 1905–1906 гг. захватил даже отдельных социал-демократов; что же касается максималистского *настроения*, то в революционные месяцы 1905 г. оно несомненно владело умами многих передовых рабочих. Уже это одно, наряду с широкой известностью самого имени максималистов, благодаря громким террористическим актам, совершенным ими, делает необходимым остановить на них внимание при изучении тех партий и групп, которые действовали в революционные годы. Но, кроме того, максималисты интересны и тем, что создали довольно стройную теорию, в которой доведены до логического конца слабые стороны нашего народнического социализма, от бакунизма до партии соц.-рев.

Из этой последней партии и выделился, как отдельная организация, «союз соц.-рев. максималистов», возникший в результате двух расколов; идейного, на почве программы и тактики, и организационного, создавшего в 1905 и начале 1906 г. сильную оппозицию официальным комитетам соц.-рев. в целом ряде городов, во главе которых стояла Москва.

Первое проявление организованной оппозиции официальным вождям и теоретикам соц.-рев. представляла собою возникшая в конце 1904 г. группа «аграрных террористов». Основатель ее, будущий главный организатор «союза с.-р.-макс.», М. И. Соколов, привлек на свою сторону почти всю с.-р-ю молодежь в Женеве, проповедуя необходимость для партии взять на себя руководство всеми формами аграрного террора, чтобы, с одной стороны, овладеть стихийным крестьянским движением, а с другой — аграрным террором сразу резко оттолкнуть от партии все буржуазное общество и сделать, таким образом, будущую революцию неизбежно и явно антибуржуазной, социалистической. <...>

Летом 1905 г. сформировалась уже определенная группа «молодых с.-р.», издавшая в Женеве три номера «Вольного Дискуссионного Листка», где подвергалась критике программа-минимум партии, делались нападки на парламентаризм и проповедовалась социализация фабрик и заводов; а в декабре вышел за границу, по-видимому, в связи с той же группой, иначе называвшейся тогда «устиновцами»² (по имени ее главного вдохновителя), один номер журнала «Коммуна», органа «союза рев. социалистов», выступавшего уже против республики и предлагавшего подробный план немедленного образования «рабочих коммун»

с диктатурой пролетариата (впрочем, чистые «устиновцы» впоследствии слились с «махаевцами»). <...>

Наряду с этой организационной работой, максималисты проявляют, начиная с весны 1906 г., довольно интенсивную литературную деятельность, выпуская ряд легальных брошюр и статей. Таковы: «Принципы трудовой теории» — Е. Тагина, «Ответ В. Чернову» — его же, брошюры и статьи Светлова, Энгельгардта и др., а впоследствии, зимой 1906–1907 г. несколько объемистых сборников под общим заглавием «Воля труда».

Но и организационная, и пропагандистская деятельность отступали на задний план перед подготовкой террористических актов, и образованная Соколовым боевая организация неизбежно поглотила все силы и средства максималистов. Ряд покушений, совершенных членами этой организации, особенно взрыв дачи министра Столыпина в августе 1906 г.³ и экспроприация в Фонарном переулке в октябре того же года⁴, сделали имя максималистов известным и в России, и за границей. Но эти же акты были кульминационным пунктом их деятельности, которая вскоре после того начинает падать и сводится к ряду мелких экспроприаций и политических убийств, ничем не отличавшихся от анархистских.

Правда, тотчас после экспроприации в Фонарном переулке, собралась довольно многочисленная конференция максималистов, на которой, по свидетельству биографа Соколова («Воля труда», стр. 178), были представители областей: Центральной, Северо-Западной, Южной и Уральской. На этой конференции, продолжавшейся девять дней, обсуждались вопросы программы, тактики и организации, образован был официально «Союз с.-р.-максималистов», как вполне самостоятельная организация, и принят ряд резолюций, опубликованных в особом «Извещении». Но проводить эти резолюции в жизнь было уже некому. По возвращении с конференции Соколов был арестован в Петербурге (1-го декабря) и на следующий же день казнен. А вскоре после того провалилась и вся боевая организация, выданная, по-видимому, провокатором. Все попытки оставшихся на свободе максималистов восстановить ее оказались безрезультатными. <...>...С середины 1907 г. максималистские группы, как отдельное целое, перестают существовать, отчасти исчезнув, отчасти слившись с анархистами.

<...>...Если в *теории*, в обосновании своей *программы* максималисты вообще представляют полную противоположность

анархистам, оставаясь *государственниками и коллективистами*, то тактика их (не говоря уже о практике), поскольку она обоснована в резолюциях их конференции и в ряде статей в сборниках «Воля Труда», вышедших уже после конференции, — действительно, мало оригинальна, и ее очень трудно отличить от тактики анархистской.

<...>...В вопросе о «легальности» максималисты идут дальше многих анархистов синдикалистского направления. Далее, нападая самым резким образом на социалист. партии в России и в Европе*, максималисты с своей стороны проповедают непрерывную гражданскую войну, непрерывный процесс дезорганизации современного общества, причем, говоря много о воспитании воли, о революционной энергии и т. д., они, конечно, огромное значение придают «пропаганде действием», роли «инициативного меньшинства». <...>

Теория максимализма является продолжением и логическим завершением народнического социализма. И поскольку с.-р-ы, прямые духовные отцы максималистов, вынуждены были не раз отступать от традиции старого народничества, как под влиянием непосредственных уроков жизни и марксистской критики, так и в результате появления максимализма, который им казался карикатурой на них самих, — максималисты с полным основанием видели в себе истинных носителей старых традиций Земли и Воли, Народной Воли, Лаврова и Михайловского, а с.-р-ов считали отступниками. При этом они столь же справедливо указывали на многочисленные противоречия в теоретических выступлениях самих с.-р-ов, особенно Чернова, в разные эпохи их деятельности, и еще больше на противоречия между их официальной программой и содержанием той агитации, которую они несли в массы. <...>

Точно так же максималисты последовательны и верны старым традициям революционного народничества и в своем пренебрежении к программе-минимум, и в своем главном лозунге: *социализация фабрик и заводов*. Вполне понимая программу

---

* «Максимализм, — восклицает Нестроев (ответ Чернову, стр. 66), — это разрыв с *современным* (курсив автора) «Интернационалом». И далее: «Успокойтесь, г. Чернов! Мы в *ваш* Интернационал не полезем».

минимум с.-д-тии, как возможный максимум того, что осуществимо в буржуазном обществе, они указывают на противоречивость в программных построениях с.-р-ов, которые своей программой-минимум желают *подрывать самые основы* капиталистического строя и в то же время не хотят отказаться от нее. Далее, социализация земли, говорят максималисты, в том значении, которое придают этому слову с.-р-ы, была бы столь грандиозной и глубокой социальной революцией, что совершившему ее «трудовому народу» ничего не стоило бы взять в свою собственность и фабрики и заводы; более того, эта последняя «социализация» стала бы неизбежной, была бы экономической необходимостью*. <...> Уничтожая наемный труд своей социализацией фабрик и заводов, их программа на самом деле отдает промышленных рабочих в наймы мужицкому государству, основу которого составляет тот «трудовой человек», который, по собственному признанию максималистов, «только потому не скручивает других в бараний рог, что по своему классовому положению лишен этой возможности». Бессознательно для себя, максималисты дали и любопытную иллюстрацию того положения, в котором находились бы рабочие «социализованных» фабрик и заводов, составляющих собственность колосса-государства.

<...>...Нам остается добавить лишь следующее: максимализм, питавшийся вначале социалистическими идеями, а впоследствии анархической дезорганизацией городских рабочих, имевший в своей практике и тактике много общих черт с анархизмом и «революционным» синдикализмом, — под влиянием *народнических теорий*, верным истолкователем и продолжателем которых он являлся, создал оригинальную утопию, которой нельзя отказать в известной стройности и логичности, но которая (если бы предположить на миг ее осуществление) была бы шагом не к социализму, а назад от социализма.

---

* Чернов, говорит Таг-ин («Ответ», стр. 28), «считает возможным организовать в “общественное” хозяйство 13 милл. мелких хозяйств, считает возможным победить 150 тысяч российской страны землевладельцев, ...но считает недопустимой победу над 19 тысячами русских капиталистов».

«Махаевцы», или «группа рабочего заговора»

Так называемые «махаевцы», по-видимому, нигде в России, ни в революционный, ни в дореволюционный период, не создали сколько-нибудь прочных, длительных организаций, да и вообще деятельность их, помимо чисто-литературной, непосредственная деятельность среди рабочих, если таковая была, держалась ими в глубокой тайне, и следы ее можно найти лишь косвенным путем. Но, тем не менее, их теории, их анти-интеллигентская кампания, ожесточенная борьба против социализма, встречая почву в инстинктивном недоверии многих рабочих к «господам» и в известном уже нам озлоблении против «комитетчиков», в свою очередь, усиливали это недоверие и озлобление, давали им видимость теоретической обоснованности и снабжали аргументами многих, примыкавших к анархизму или синдикализму. Результаты пропаганды «махаевцев», в ее чистом, так сказать, виде, сказывались особенно там, где рабочие и интеллигенты-социалисты бывали отрезаны от непосредственной работы, т. е. в тюрьмах, ссылке и эмиграции. Но и в самой России, при всем отсутствии видимых и осязательных плодов этой пропаганды, она *несомненно* была одним из разлагающих, деморализующих факторов контрреволюционной эпохи, дававших оправдание политическому индифферентизму рабочих, и в этом смысле «махаевщина» заслуживает особого рассмотрения наряду с другими аполитическими и анти-демократическими группами. Кроме того, хотя «махаевщине» повезло в нашей литературе, и о ней много писали и с.-д., и анархисты, и даже г. Иванов-Разумник, выведший ее в «широкую публику»*, — не все ее литературные выступления были использованы, и далеко не все о них было сказано, что следовало и можно было сказать.

Теория «махаевцев» зародилась в далеком углу Сибири, в Вилюйске, где творец ее в 1898 г. написал первую часть своей книги «Умственный рабочий», носящую специальное заглавие — «Эволюция социал-демократии», и читал ее в виде рефератов своим товарищам по ссылке, причем тогда же ему удалось создать

---

* Это, впрочем, и неудивительно: при той крупной роли, которую до последних лет играла «интеллигенция» в общественных, в частности революционных, движениях в России, — теория, поставившая себе целью — «разоблачать» эту интеллигенцию, естественно, должна была обратить на себя внимание.

маленькую группу адептов. Он не сразу выработал основы своей теории, и вначале задачей его было лишь показать, что между современным ортодоксальным марксизмом и ревизионизмом нет никакой принципиальной разницы, так как и тот, и другой являются оппортунистическим отступлением и даже изменой настоящему пролетарскому социализму, главным образом, потому, что чисто-рабочие требования желают заменить требованиями политическими, демократическими и боятся настоящей рабочей революции. В следующем году была написана вторая часть книги, под особым названием «Научный социализм». Здесь уже социализм *как таковой* объявлялся чудовищным обманом рабочих со стороны *интеллигенции*. Обе части были изданы тогда же, в Якутской области, на текстографе, а после ареста их переизданы в 1901 г. в очень небольшом количестве экземпляров. В 1901 г. была напечатана в Женеве 3-я часть «Умственного рабочего», а в 1905 г. — напечатаны и первые две (через год они были изданы летально в России). По-видимому, все тем же автором были изданы брошюры «Банкротство социализма XIX столетия» и «Буржуазная революция и рабочее дело» (в 1905 и 1906 гг.) и, наконец, в самом начале 1908 г., за границей, сборник статей под названием: «Рабочий заговор, № 1». Начиная с 1907 г., у махаевцев появился новый писатель, Е. Лозинский, издавший легально ряд книг и брошюр («Что же такое, наконец, интеллигенция», «Итоги парламентаризма», «Чего ждать русским рабочим от всеобщего избирательного права») и три номера общественно-сатирического журнальчика «Против Течения». В 1909 г. тот же Лозинский издал большую книгу «Итоги и перспективы рабочего движения на Западе и в России», в которой теория махаевцев поручила наиболее полное и законченное выражение. <...>

Теория махаевцев, в сущности, очень проста (при всех своих противоречиях), но положения ее повторяются ими с утомительным однообразием десятки раз на десятках и сотнях страниц. <...> Итак, вот теория махаевцев в пересказе «Бунтаря» (стр. 7): «Все зло в идеологии, в идеалах. В продолжение всей истории, всегда, когда народные массы подымались на борьбу, приходила притворно-правдивая, обманчиво-искренняя интеллигенция и совлекала их с истинного пути борьбы. Класс белоручек, интеллигенция — этот волк в овечьей шкуре, это коварное дитя буржуазии, в течение многих, долгих веков опутывала рабочие массы

тонкой сетью призрачных идеалов, хитрой сказкой несбыточных утопий. Народные массы шли за ними; проливали кровь свою; гибли, боролись. И на место старых цепей появлялись новые, лишь слегка позлащенные, но еще более крепкие и прочные. И еще тяжелее и мучительнее становилось рабство, невыносимее гнет неволи». Такова философия истории. А вот практические лозунги: «Долой идеалы! Долой идеалы демократии, социализма, анархизма! Лишь борьба за конкретные, повседневные требования, борьба за улучшение материального положения масс, за более короткий день, более санитарные условия труда, за лишнюю копейку — отвечает интересам масс. Путем целого ряда таких требований рабочий класс добьется своего конечного конкретного требования — *равного дохода для всех*. Он добьется того, что пролетарий, капиталист-буржуа и чиновники-правители будут получать равные доходы». Добившись этого, рабочие выставят свое последнее требование — *равного образования для всех*, — и тогда «уничтожится разница в образовании... Наука станет достоянием не только буржуазии, но и в равной мере — рабочего класса».

Трудно поверить, что это — не карикатура, а подлинная теория махаевцев, что этот доморощенный исторический пессимизм и особенно этот изумительный «будущий строй», в котором волки и овцы едят из одного корыта, где сохраняются капиталисты и наемные рабочие, но с *равными доходами и равным образованием*, — что все это выдается за научные открытия. Между тем, это, действительно, так: в изложении «Бунтаря» нет ни шаржа, ни иронии. <...>

Далее, заимствовав из арсенала анархистов все нападки на «политиканствующую интеллигенцию», все анекдоты о «вождях», обманывающих рабочих, восприняв анархистское учение о безработных, босяках и хулиганах, махаевцы местами и тактику рекомендуют анархистскую: «Поймут тогда нынешние «сознательные» рабочие, что в стихийном *стремлении всякий бунт безработных, всякое столкновение хозяина с рабочим, сытого с голодным развить во всеобщее нападение на грабительскую организацию* белорусчек с требованием немедленно раскошелиться, — в этом стремлении и заключается вся особая «политика» пролетариата» («Раб. Заг.», стр. 46, курс. автора). Однако, это не мешает им третировать анархистов (как, впрочем, и максималистов, и синдикалистов) не лучше, чем особенно ненавистных

им с.-д. <...> Здесь, как и везде почти у махаевцев, бесполезно искать доказательств: их заменяют не допускающие сомнений афоризмы. Но, по-видимому, преобладающей тактикой махаевцев является не фраза о «всеобщем нападении на грабительскую организацию белоручек», а именно «грошовая борьба», «ибо такая простая, обыденная борьба за “пяточок” скрывает в себе самую настоящую непрекращающуюся рабочую революцию, имеющую уже по самой своей природе лишь один предел — полное имущественное равенство» (Лозинский «Итоги, персп.», 344). Это и дало повод анархистскому «Бунтарю» окрестить их «революционными тред-юнионистами», что, впрочем, неверно, так как махаевцы самым решительным образом отрицают профессиональную организацию рабочих, считая ее столь же вредной, как и политическую. Кроме того, в противоположность анархистам, махаевцы признают государственную власть и именно к ней рекомендуют рабочим обращаться со своими требованиями*. «Раб. Заговор» делает это, говоря о безработных, причем обвиняет анархистов в том, что они «в своем пустом и бессодержательном фразерстве советуют вообще рабочим не «требовать», а «самим брать» и убеждают, что «прежде всего нужно всякую власть немедленно уничтожить» (стр. 80–81). А Лозинский в своих «Итогах и перспективах» устанавливает и общее правило: «При каждом своем крупном выступлении пролетариат будет обращаться со своими требованиями преимущественно к государству, имея в виду интересы всего своего класса. При этом ему будет в высокой степени безразлично, какую форму будет иметь это государство, т. е. будет ли оно самодержавно-монархическим, республиканским или социалистическим. И в том, и в другом, и в третьем случае государство это будет оставаться классовым, т. е. самодержавным строем (стр. 347).

---

* Во 2-й части «Умственного рабочего» Вольский еще мечтал, что «пролетариат путем своей мировой конспирации и диктатуры (курсив мой. — Б. Г.) достигнет господства над государственной машиной... чтобы захватить имущество (курсив автора. — Б. Г.) господствующего образованного общества, имущество ученого мира» (!) и «употребить конфискованное имущество на организацию общественного воспитания» (стр. 55). Впоследствии эта мысль была оставлена. О захвате власти махаевцы больше не думают, как не думают и об организации производства, «чтобы не выводить из затруднения, из анархии и банкротства хозяйственный строй» капиталист. общества (там же).

Итак, пролетариат непрерывными экономическими стачками добьется увеличения своей заработной платы «насчет богатств» миллионеров. Потом, «расправившись» с ними, он заставит «урезать и все... интеллигентские доходы». И «тогда у детей ручных рабочих будут те же средства на образование, что и у детей белоручек» («Раб. Заг.», 63). К этому прибавляет Лозинский, что сущность социального вопроса для рабочего «в большей или меньшей наличности его кошелька», и «когда эта наличность станет равняться *наличности имущих классов* (курсив мой. — Б. Г.), можно будет совместно с ними помечтать о разных — столь, по-видимому, дорогих им — высоких материях и идеалах» («Ит. и персп.», 343–344). Вот до какой изумительной нелепости, похожей на явное издевательство над читателем, договорился Лозинский, хвляющийся непрерывно своими «научными открытиями» и «неумолимой логикой». Оказываются, в «будущем строе» махаевцев останутся какие-то «*имущие классы*» со всеми их атрибутами, но *доходы которых будут равны доходам рабочих!* В чем будет заключаться тогда их «имущество», и зачем они будут нужны рабочим, — это вопросы, которые махаевцы считают ниже своего достоинства. <...>

Такова та «теория», которую махаевцы преподносят рабочим, вместо обманывающей их «религии социализма». В центре ее стоит вопрос об *интеллигенции*, сводящийся к немногим декретизированным афоризмам, с особенной подробностью развитым Лозинским в его книгах: «Что же такое, наконец, интеллигенция?» и «Итоги и перспективы и т. д.». Положения эти вкратце следующие. Интеллигенция есть особый общественный класс, характеризующийся особым источником доходов — знаниями и противоположностью своих интересов интересам других классов, главным образом, классу ручных рабочих. Это есть класс *паразитический*, не создающий никаких ценностей и живущий на счет труда ручных рабочих. Это есть класс хищнический, стремящийся к господству над всем обществом. Лучшим средством для достижения этого мирового господства интеллигенции служит *социализм*, при котором в руках интеллигенции останется монополия знаний и, следовательно, все управление общественным производством. Ибо, как говорит Лозинский в своей книге об интеллигенции, «весь огромный и все более сложный производственный механизм современного общества, построенный на научной технике и требующий для своего руко-

водства массы знаний, становится для физического рабочего все большей тайной, доступной лишь образованному меньшинству и всему его потомству. Таким образом, готовится грядущее мировое господство интеллигенции» (стр. 172).

<...> Если отбросить все эти ребяческие рассуждения махаевцев, которым придает глубокомысленную внешность применение quasi марксистского метода и особенно теории классов, — то остаются лишь фактические указания на «колоссальные интеллигентские гонорары», а также заимствованные у анархистов и приведенные в систему обвинения по адресу с.-д. в желании сохранить на вечные времена неравенство оплаты равных видов труда. При этом приводится марксово определение квалифицированного труда, как «помноженного простого», и объяснение его более высокой оплаты необходимостью вознаградить рабочего за издержки обучения. Значит, — злорадно заключают махаевцы, — Маркс возводил в закон неравенство оплат и подготавливал привилегированное положение для «умственных рабочих» и в социалистическом строе.

<...>...Как и во многих других случаях, махаевцы без малейшей попытки доказательств объявляют своим собственным открытием, отличающим их от социалистов и анархистов всех направлений, *азбучную истину* о необходимости *равного образования* для всех членов общества. Но это «требование» равного образования повторяется махаевцами столько раз, и всегда с угрозами против социалистов, что неосведомленный человек в конце концов может быть сбит с толку. А на это махаевцы, очевидно, и рассчитывают...

Единственный вывод, который напрашивается из краткого анализа этой смеси наивности, недоразумений и сознательных искажений истины, выдаваемой за новое, «делающее эпоху» научное открытие, — следующий: каковы бы ни были субъективные психологические предпосылки, из которых исходят махаевцы, будет ли это искренняя мания Вольского, или же холодно-рассчитанная, глубоко-лицемерная демагогия Лозинского, — объективный результат махаевской пропаганды и агитации должен быть один: отвлечение рабочих от *всяких* политических и экономических организаций, внесение глубокой смуты и разложения в их сознание и сближение с психологией черносотенной...

Мы проследили происхождение, развитие и деятельность важнейших «аполитических и антипарламентских» групп в России,

причем в рассматриваемый нами период все они прошли полный «круговорот», успев в течение нескольких лет и зародиться и погибнуть, частью насильственной, частью естественной смертью. Мы ознакомились с их теориями и — поскольку позволяли имеющиеся материалы — с их разлагающим влиянием на рабочих, которых эти группы, по мере своих сил, отвлекали от настоящей экономической и политической борьбы. В заключение остается лишь напомнить в нескольких словах о том *отраженном влиянии*, какое эти группы, особенно анархисты и максималисты, или, вернее, те общие и частные условия, которые их породили и создали им временный успех, — оказывали и на социалистические партии.

Мы уже видели, как легко с.-р-ы становились максималистами и анархистами. Не избежали этого отраженного влияния и с.-д. Кроме отдельных, довольно многочисленных случаев перехода с.-д. к анархистам и махаевцам, — увлечение партизанством у известной части с.-д., признание и оправдание ими экспроприаций, равно как «бойкотизм», «отзовизм» и другие подобные явления, — все это отражение, в большей или меньшей степени, *анархистской психологии*.

Не меньшую роль сыграл и *максимализм*, под косвенным влиянием которого все та же часть социал-демократии сделала ряд серьезных уступок народническому мировоззрению, порвав, таким образом, со старыми традициями русского марксизма. Сюда относится представление о происходившей революции, как о чем-то стоящем на пороге буржуазного и социалистического строя (Роза Люксембург), сюда же относится и популярный лозунг «диктатура пролетариата и крестьянства». Мы уже видели из анализа максималистской «трудовой республики» и оценки ее самими с.-р-ми, что этот лозунг на деле должен был превратиться в диктатуру крестьянства над пролетариатом.

